

УДК 34

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ СУБЪЕКТОВ ПРАВА И КВАЗИПРАВОВЫХ СУБЪЕКТОВ

Пономарева Е. В.

Уральский государственный юридический университет (Екатеринбург)

Рассматриваются основные методологические проблемы исследования субъекта права. Автор акцентирует внимание на необходимости анализа сущностных признаков субъекта права, позволяющих разграничить субъектов права от неправовых субъектов. В качестве таких признаков предлагаются: правоспособность, персонификация (самостоятельность и обособленность субъекта, в том числе и имущественная, индивидуализация субъекта в праве), способность выработки автономной воли, способность к правовой деятельности. Обосновывается необходимость изучения субъекта права отвлеченно, как определенной идеальной модели, с использованием преимущественно методов познания юридической науки. Поднимается проблема материализации субъекта права, существующая в современной юриспруденции. Обосновывается необходимость создания единого понимания правосубъектности в рамках общей теории права, осмысление теории правосубъектности, выработанной в цивилистической доктрине.

Ключевые слова: теория права, субъект права, правосубъектность, правоспособность, признаки субъекта права.

Значение теории субъекта права для юридической науки нельзя недооценивать. От степени разработанности данной теории напрямую зависит то правовое положение, которым обладают физические и юридические лица, зависит не только закрепление их субъективных прав и юридических обязанностей, но степень их защищенности. Идея субъекта права является настолько многогранной, что теоретический анализ в данной области не должен ограничиваться изучением понятия «сторона правоотношения», а субъект права не должен отождествляться исключительно с одним из элементов правоотношения.

Однако построению теории субъекта права в юридической науке препятствуют некоторые важные методологические проблемы. Такими проблемами являются: материализация субъекта права, смешение субъектов права с неправовыми субъектами, проблема доминирования формально-юридического подхода при изучении правосубъектности, проблема переноса в публичное право цивилистических представлений о субъекте без должного осмысления.

Итак, первая проблема – материализация субъекта права. Зачастую субъект права наравне с другими правовыми явлениями воспринимается материалистически, предельно натурально, что не соответствует самому предмету права. Субстратом правовых понятий и правовых процессов, протекающих в обществе, безусловно, являются социальные явления. Однако право, принадлежащее миру духа, необходимо осуществляет проекцию сущностных признаков этих явлений на некие идеальные понятия, конструкции. Понятия и категории, которыми оперирует юрист, суть понятия и категории отвлеченные, они не могут иметь реального бытия, их нельзя ни видеть, ни осязать, они не имеют денотата. А. С. Алексеев справедливо

отмечает, что «это такие же отвлеченные величины, как те, которыми орудует математик» [1, с. 134].

Проблема смешения правовых признаков с неправовыми при определении правосубъектности не нова и дала о себе знать еще во время появления первых теорий юридического лица, в связи с чем реальным субъектом права был признан исключительно человек, все же остальные субъекты были признаны фиктивными. У истоков данной концепции стоял папа Иннокентий IV, а разработку она получила в трудах Савиньи, Пухты, Виндшейда, Беккера, Гримма. Согласно данной концепции правосубъектность может принадлежать только человеку, но право, в свою очередь, может создать для своих целей субъектов искусственных, которых в реальности нет. Но встает вопрос, в какой именно реальности их нет? Юрист исследует, в первую очередь, правовую реальность, в которой и существуют отвлеченные понятия, и в которой юридическое лицо является равно правосубъектным. Эмпирическая же реальность немало не должна заботить юриста, поскольку не входит в предмет права¹.

Существовали и более крайние взгляды. К примеру, Беккер настолько развил натуралистический подход, что причислил к субъектам права даже животных. Апогеем же натурализации субъекта права явилось учение германистов – Безелера, Блюнчли и Гирке. Осознавая необходимость признания юридических лиц в качестве правовых субъектов, они признали юридические лица субъектами права по образу и подобию человека, в качестве живых существ «с головой и прочими органами, из коих каждый на своем месте участвует в общей жизни целого» [4].

Проблема натурализации субъекта права с новой силой дала о себе знать в связи с влиянием философии постмодерна на современных теоретиков права. Постмодерн, а за ним и юристы, работающие в соответствующем дискурсе, стремятся к методологическому номинализму – признать субъектом права исключительно человека. Причем речь здесь идет даже не об абстрактном человеке эпохи Нового времени, создающем окружающую реальность по законам разума, а о «носителе конкретных социально-культурных и личностных свойств с подвижной и «расщепленной» идентичностью» [5]. Современные тенденции понимания субъекта права заключаются в том, чтобы рассматривать антропологические факторы как значимые для построения теории субъекта.

При таком подходе происходит натурализация субъекта, что является значительным шагом назад и свидетельствует о несостоятельности правой мысли. Еще в Древнем Риме была выработана концепция субъекта права – персоны, так называемого формального субъекта, которым мог быть как индивид, так и корпорация. Безусловно, юристы Рима не занимались осмыслением сущностных характеристик субъекта права, но они создали правовую форму, являющуюся необходимой для всякого субъекта в целях развития имущественного оборота. Это одна из сторон

¹ Подтверждение этих слов можно найти у Лейбница, полагавшего, что наибольшая реальность при-
суща монадам. Лейбниц настаивал на том, что мир состоит не только из материи, представляющей
собой некий конгломерат частей, не обладающих реальностью без существования истинных единств,
того, что имеет сходство с душами, индивидуальными субстанциями, монадами (Лейбниц Г. В. Из-
бранные философские сочинения. М., 1890. С. 325). Затем Кант различал эмпирическую реальность
явлений и категориальную реальность как трансцендентальную материю всех предметов познания.
(Философская энциклопедия. В 5-х т. – М.: Советская энциклопедия под редакцией Ф. В. Константи-
нова. 1960–1970).

осмысления субъекта, которая является необходимой и в современном праве. Признание носителем прав исключительно человека приведет к натурализации права и отрицанию значения для правовой науки теоретических конструкций. Необходимо видеть между человеком и юридической личностью существующую разницу. На необходимость подобного рассуждения указывает и современные юристы [9].

Во-вторых, важной методологической проблемой изучения субъекта права является смешение субъектов права, политики, антропологических, социальных субъектов. В юридической литературе можно встретить, помимо классических субъектов права, какими являются физическое лицо и юридическое лицо, таких субъектов права, как государственные органы, нации, народы, трудовые коллективы, семья. Причем правосубъектность последних не получила в научной литературе комплексного обоснования, их правосубъектность чаще всего обосновывается с точки зрения гуманитарно-антропологических, политических, исторических, культурных, социально-экономических позиций. Так, зачастую, нация признается субъектом международного и внутригосударственного права благодаря той роли, которую она сыграла на сцене истории [10], так называемый «человек юридический» как частица этноса во всем многообразии эмоциональности, во всех проявлениях общественного бытия, а также коренные малочисленные народы становятся субъектами права благодаря влиянию юридической антропологии [14]. При этом такому общепринятому признаку субъекта права, как наличие дееспособности в вышеназванных случаях не придается никакого значения.

Субъект права – это особый идеальный тип, который не может быть получен в процессе изучения этнологии, антропологии, истории, политологии, он формируется согласно совершенно иным требованиям, предъявляемым к нему правовой коммуникацией. Такой субъект должен иметь возможность вступления в правовую коммуникацию благодаря наличию свободной воли и способности к деятельности в праве, благодаря способности своими действиями приобретать права и исполнять юридические обязанности. Без этих требований к субъекту права само право перестанет существовать как коммуникативная рациональность.

Обоснование правосубъектности, отграничение субъектов права от квазиправовых субъектов должно происходить в рамках предметной области права, но не исторической, культурной, этнографической либо социально-экономической областях. Однако несмотря на эту, казалось бы, непреложную истину, обоснование правосубъектности зачастую осуществляется за счет заимствования методов исследования других социально-гуманитарных наук, что приводит к вышеназванному смешению.

Безусловно, юридическая наука, помимо специально-научных методов исследования, использует философские, общенаучные и частнонаучные методы, но важно помнить, что юриспруденция не может целиком заимствовать, к примеру, методы исторических или социологических исследований. Разработка понятий и теоретических конструкций, несомненно, являются задачей собственно юридической науки, которая не может быть решена путем простых заимствований. Как отмечал Н. Н. Тарасов, «ограничения в применении тех или иных исследовательских средств других наук задаются природой государства и права, логикой предмета юридической науки» [15]. К тому же мы не можем забывать о связи предмета и метода юридической науки [16], которая выражена в особом категориальном аппарате науки, в

наличии собственных, присущих только данной науке и ее предмету методов исследования [26]. Метод юриспруденции должен строго соответствовать логике и природе права, его понятийному аппарату, в целом предмету. Использование юриспруденцией методов познания иных наук, а также методологических подходов может быть оправдано только в том случае, если цели исследования не могут быть достигнуты иным путем, только в том случае, когда юриспруденция испытывает явную недостаточность собственных методов познания для решения поставленных исследовательских задач.

Важной с точки зрения методологии права является работа И. А. Ильина «Понятие права и силы». Автор предостерег юристов об опасности смешения признаков правовых понятий с признаками понятий, выработанных в политологии, социологии, психологии и т. д. Одно и то же понятие, согласно И. А. Ильину, может быть рассмотрено в разных методологических рядах, каждый из которых по своему способу исследования может не иметь ничего общего с другим методологическим рядом, а зачастую и полностью исключать его. Ученый выделяет два таких индифферентных методологических ряда – юридический (ирреальный) и реальный, имеющий связь не с отвлеченными понятиями и конструкциями, но всегда онтологическое значение [19].

С позиции такого различения методологических рядов на ряды реальные и ирреальные необходимо осмысление многих правовых понятий, кристаллизация их правовых признаков. Юрист должен признать, что историческому, культурологическому, психологическому и философскому анализу должен непременно предшествовать анализ теоретический.

Тем не менее признаки субъекта права и сама конструкция субъекта права должна быть выработана отвлеченно, как определенная гносеологическая модель без привязки к конкретной исторической эпохе, без указания на то, какую культурно-историческую либо социально-экономическую роль сыграл тот или иной субъект. Такие роли субъекта не должны служить индикатором его правовой природы. Подобная изоляция и очищение правовой теории является, на наш взгляд, необходимым для создания матрицы субъектообразования, отличия правовых субъектов от неправовых, вне зависимости от политических настроений той или иной эпохи.

В-третьих, проблемой изучения субъекта права является доминирование формально-юридического подхода. Как известно, в юриспруденции указываются, но зачастую не получают комплексного анализа, признаки субъекта. Помимо признака правоспособности, ученые указывают на такие признаки, как самостоятельность и обособленность субъекта, в том числе и имущественная, индивидуализация субъекта в праве, способность выработки автономной воли, способность к правовой деятельности. Вместе с тем в науке не уделяется этим признакам должного внимания. Такая ситуация существует, по всей видимости, именно благодаря утвердившемуся в науке права узконормативному пониманию субъекта.

Немаловажным является то, что зачастую понятие «субъект права» и понятие «правоспособность» в научной литературе воспринимаются как тождественные, субъект права понимается исключительно как носитель совокупности прав и обязанностей, дарованных ему правопорядком. Складывается ситуация, при которой не право и правоотношение производны от субъекта, а с точностью наоборот – субъект от права и правоотношения. Это позволяет констатировать факт, что нормативист-

ский подход в праве не преодолен и норма права по-прежнему остается центром правовой системы, в которой субъекту права отведена второстепенная роль. Субъект права остается производным от собственной правосубъектности, установленной нормой права [20]. И. Л. Честнов справедливо подчеркивает, что в отечественной литературе до сих пор господствует структуралистский подход к субъекту права, сводящий его к обезличенному носителю правосубъектности [21].

Безусловно, такое узкое понимание субъекта только как лица, как некоторой правовой оболочки, обладающей праводееспособностью, является необходимым как для науки, так и для целей правового регулирования, но, тем не менее, самоограничение исследователя формально-юридическим пониманием субъекта приводит к игнорированию существенных признаков субъекта, отрицанию проблемы индивидуализации субъекта права.

В-четвертых, важной методологической проблемой изучения субъекта права является перенос цивилистических представлений о правосубъектности в сферу публичного права без должного критического осмысления. Так, общая правосубъектность, существующая как единая «праводееспособность», одновременно охватывает два момента, а именно: возможность обладания правами и обязанностями и возможность их самостоятельного осуществления. В некоторых же других отраслях правосубъектность как бы «разъединяется». Гражданское законодательство отдельно различает правоспособность и дееспособность, которые представляют собой относительно обособленные проявления правосубъектности. С. С. Алексеев отмечает, что «разъединение» правоспособности и дееспособности объясняется природой гражданских и некоторых иных имущественных субъективных прав [22]. В работах отдельных авторов можно найти утверждения о том, что правоспособность следует понимать как категорию, тождественную правосубъектности [22]. Существует и иная позиция, касающаяся того, что понятие правосубъектности не может рассматриваться как однозначное: в тех отраслях права, для которых закон устанавливает одинаковые предпосылки правоспособности и дееспособности, правосубъектность включает в себя обе указанные возможности; в тех же отраслях, для которых закон устанавливает различные предпосылки правоспособности и дееспособности, правосубъектность равнозначна правоспособности [24].

Безусловно, природа некоторых субъективных прав такова, что они могут принадлежать одному лицу, но осуществлять их может иное лицо от имени и в интересах представляемого. Подобная ситуация действительно необходима в области цивилистики, в сфере имущественных прав. Однако распространение подобного подхода в общей теории права и отраслях права неминуемо приводит к ложному пониманию правосубъектности. Подобное разделение не имеет никакого смысла в публичном праве, поскольку приводит к отождествлению правосубъектности и правоспособности, делает последнюю единственным элементом правосубъектности. Так, О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородский настаивают на том, что нигде, кроме гражданского права, правоспособность и дееспособность в рамках общей правосубъектности не разделены. Ученые задают вопрос, является ли несовершеннолетние правоспособными, но не дееспособными в области избирательного права и приходят к выводу, что «указанные лица в области названных правоотношений вообще не являются субъектами права» [25]. Очевидно, что в области публичного права разделение правоспособности и дееспособности не имеет никакого практического смысла.

Мы видим, что даже в рамках существующего формально-юридического понимания субъекта права и полному отождествлению субъекта права и правосубъектности, юридическая наука не выработала универсального понятия правосубъектности, а существующие исследования были проведены по большей части в рамках гражданского права. Изучение субъекта права – субъекта правоотношения берет свое начало в цивилистической доктрине и этой же доктриной ограничивается. Виды субъектов права, а также их деление на физических и юридических лиц, является также сугубо цивилистическим, что вызывает немалые сложности при перенесении данных конструкций в сферу публичного права. Так, остается открытым вопрос о применении конструкции юридического лица в отношении государства, статус которого в праве не определен. Практически все научные работы, посвященные субъекту права, разрабатываются в области цивилистики, теория права такими трудами не изобилует. Причем важно понимать, что, во многом благодаря такому «цивилистическому наклону», единая концепция субъекта в науке так и не утвердилась, перечень признаков субъекта в отраслях права достаточно различается. Подобная ситуация привела к необоснованному расширению круга субъектов права.

Итак, учитывая вышеизложенное, можно выделить следующие методологические проблемы изучения субъекта права. Во-первых, натурализация субъекта права, отождествление субъекта с живым человеком, влияние антропологического подхода на построение конструкции правосубъектности.

Во-вторых, использование юристами методов исследования других наук с полным их перенесением в предметную область права, что приводит к полному смешению субъектов правовых с неправовыми. Игнорирование отвлеченных исследований субъекта права как определенной гносеологической модели без привязки к конкретной исторической эпохе.

В-третьих, превалирование формально-юридического понимания субъекта права, отождествляющего его исключительно с правами и обязанностями, дарованными правопорядком, игнорирование его сущностных признаков.

В-четвертых, отсутствие единого понимания правосубъектности, выработанного в рамках общей теории права, полное заимствование понимания правосубъектности из цивилистической доктрины.

Анализ подобной методологической ситуации в науке позволяет выявить основные проблемы, возникающие при изучении субъекта права, а также устранить их, сделав комплексный анализ сущностных признаков субъекта, оставаясь при этом в предметной области теории права.

Список литературы:

1. Алексеев А. С. Русское государственное право. – М., 1905. – С. 134.
2. Лейбниц Г. В. Избранные философские сочинения. – М., 1890. – С. 325.
3. Философская энциклопедия. В 5-х т. – М.: Советская энциклопедия под редакцией Ф. В. Константинова. 1960–1970.
4. Gierke. Deutsches Privatrecht. I. 1895. S. 4681.
5. Честнов И. Л. Смерть субъекта: от классической к постклассической парадигме // Правоведение. – 2009. – № 3.
6. Павлов В. И. Смерть субъекта права, или о необходимости разработки концепции правового человека // Философия права. – 2010. – № 3.
7. Честнов И. Л. Постклассическая теория права. Монография. – СПб., 2012. – С. 65.

8. Честнов И. Л. Проблемы и перспективы юридической науки XXI века // Юриспруденция XXI века: горизонты развития: Очерки. – СПб., 2006. – С. 69–110.
9. Terré F. Les personnes: Personnalité – Incapacité – Protection / Terré F., Fenouillet D. Paris: Dalloz. 2012. P. 9–11.
10. Дашдамиров А. Ф. Нация и личность. – Баку: Издательство Элм, 1976. – 228 с.
11. Даневский В. П. Система политического равновесия, легитимизм и начало национальности в их взаимной связи: Историко-догматическое исследование. – СПб., 1882. – С. 271.
12. Градовский А. Д. Национальный вопрос в истории и литературе. – СПб., 1873. – С. 26.
13. Кокотов А. Н. Русская нация и российская государственность. – Екатеринбург, 1994. – С. 17.
14. Rouland N. L'antropologie juridique. Paris: Droit fundamental. 1980. P. 7.
15. Тарасов Н.Н. Метод и методологический подход в правоведении (попытка проблемного анализа) // Правоведение. – СПб., 2001. – № 1. – С. 33.
16. Нерсесянц В. С. Юриспруденция. – М.: Инфра-М, 2009. – С. 65.
17. Козлов В. А. Проблемы предмета и методологии общей теории права. – Л., 1989. – С. 16.
18. Алексеев С. С. Общая теория права. Т. 1. – М.: Юридическая литература, 1981. – С. 30–32.
19. Ильин И. А. Понятие права и силы. (Опыт методологического анализа) // Теория права и государства. Издание 2-е, дополненное. – М., 2008. – С. 39.
20. Бойцов В. Я. Система субъектов советского государственного права. – Уфа, 1972. – С. 68.
21. Честнов И. Л. Постклассическая теория права: Монография. – СПб., 2012. – С. 398.
22. Алексеев С. С. Собрание сочинений в 11 томах. Том 3. – С. 280.
23. Толстой Ю. К. К теории правоотношения. Л., 1959. – С.9–11.
24. Венедиктов А. В. О субъектах социалистических правоотношений // Советское государство и право, 1955. – № 6. – С. 20.
25. Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Вопросы теории права. – М., 1961. – С. 209.
26. Алексеев С. С. Общая теория права. Т. 1. – М.: Юридическая литература, 1981. – С. 30–32.

Ponomareva E. Methodological problems of distinction of subjects of law from quasisubjects of law
// Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2018. – Т. 4 (70). № 4. – P. 76–83.

The author examines main methodological problems of research of the subject of law. The author focuses attention on the need to analyze the essential features of the subject of law, which make it possible to distinguish subjects of law from non-legal subjects. Signs of the subject of law are: legal capacity, personification (independence and severalty of the subject, property severalty, individualization of the subject in law), the ability to develop an autonomous will, the ability to legal activity. The author justifies the necessity of investigating the subject of law abstractly, as a certain ideal model, using primarily the methods of cognition of the legal science. The author justifies the need to create a common understanding of legal personality in the framework of general theory of law.

Key words: theory of law, subjects of law, legal personality, legal capacity, characteristics of the subject of law.

Spisok literaturyi

1. Alekseev A. S. Russkoe gosudarstvennoe pravo. M. 1905. S. 134.
2. Leybnits G. V. Izbrannyye filosofskie sochineniya. M. 1890. S. 325.
3. Filosofskaya entsiklopediya. V 5-h t. – М.: Sovetskaya entsiklopediya pod redaktsiey F. V. Konstantinova. 1960–1970.
4. Gierke. Deutsches Privatrecht. I. 1895. S. 4681.
5. Chestnov I. L. Smert sub'ekta: ot klassicheskoy k postklassicheskoy paradigme // Pravovedenie. 2009. № 3.
6. Pavlov V. I. Smert sub'ekta prava, ili o neobходимosti razrabotki kontseptsii pravovogo cheloveka // Filosofiya prava. 2010. № 3.
7. Chestnov I. L. Postklassicheskaya teoriya prava. Monografiya. / Chestnov I.L. Postklassicheskaya teoriya prava. Monografiya. S.Pb. 2012. S. 65.
8. Chestnov I. L. Problemy i perspektivy yuridicheskoy nauki XXI veka. Yurisprudentsiya XXI veka: gori-zontyi razvitiya: Oчерki. SPB. 2006. S. 69–110.
9. Terré F. Les personnes: Personnalité – Incapacité – Protection / Terré F., Fenouillet D. Paris: Dalloz. 2012. P. 9–11.

10. Dashdamirov A. F. *Natsiya i lichnost* Izdatelstvo Elm. Baku. 1976. 228 s.
11. Danevskiy V. P. *Sistema politicheskogo ravnovesiya, legitimizm i nachalo natsionalnosti v ih vzaimnoy svyazi: Istoriko-dogmaticeskoe issledovanie*. SPb. 1882. S. 271.
12. Gradovskiy A. D. *Natsionalniy vopros v istorii i literature*. S.Pb. 1873. S. 26.
13. Kokotov A. N. *Russkaya natsiya i rossiyskaya gosudarstvennost*. Ekaterinburg. 1994. S. 17.
14. Roulant N. *L'antropologie juridique*. Paris: Droit fundamental. 1980. P. 7.
15. Tarasov N.N. *Metod i metodologicheskiy podhod v pravovedenii (popyitka problemnogo analiza) // Pravovedenie*. – SPb. 2001. № 1. S. 33.
16. Nersesyants V. S. *Yurisprudentsiya*. M.: Infra-M. 2009. S. 65.
17. Kozlov V. A. *Problemy predmeta i metodologii obschey teorii prava*. L. 1989. S. 16.
18. Alekseev S. S. *Obschaya teoriya prava*. T. 1. M.: Yuridicheskaya literatura. 1981. S. 30–32.
19. Ilin I. A. *Ponyatie prava i silyi. (Opyit metodologicheskogo analiza) / Teoriya prava i gosudarstva*. Izdanie 2-e, dopolnennoe. – M. 2008. S. 39.
20. Boytsov V. Ya. *Sistema sub'ektov sovetskogo gosudarstvennogo prava*. – Ufa. 1972. S. 68.
21. Chestnov I. L. *Postklassicheskaya teoriya prava: Monografiya / Chestnov I.L.* – SPb. 2012. S. 398.
22. Alekseev S. S. *Sobranie sochineniy v 11 tomah*. Tom 3 S. 280.
23. Tolstoy Yu. K. *K teorii pravootnosheniya*. L. 1959. S. 9–11.
24. Venediktov A. V. *O sub'ektah sotsialisticheskikh pravootnosheniy // Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 1955. # 6. S. 20.
25. Ioffe O. S., Shargorodskiy M. D. *Voprosy teorii prava*. M. 1961. S. 209.
26. Alekseev S. S. *Obschaya teoriya prava*. T. 1. M.: Yuridicheskaya literatura. 1981. S. 30—32; Nersesyants V. S. *Yurisprudentsiya*. M. 2009. S. 65.